

Reading Khamenei:

*The World View of
Iran's Most Powerful Leader*

Karim Sadjadpour

CARNEGIE MOSCOW CENTER

CARNEGIE ENDOWMENT

FOR INTERNATIONAL PEACE

Читая Хаменеи:

*Взгляды на мир
самого влиятельного деятеля Ирана*

Карим Саджадпур

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ
CARNEGIE ENDOWMENT

FOR INTERNATIONAL PEACE

УДК 327.51
ББК 66
С14

Перевод с английского А. С. Сатунина
Karim Sadjadpour
READING KHAMENEI: THE WORLD VIEW OF IRAN'S MOST POWERFUL LEADER
Carnegie Endowment for International Peace, 2008

Электронная версия: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books>.

Сокращенный перевод брошюры «Читая Хаменеи: взгляды на мир самого влиятельного деятеля Ирана», выпущенной Фондом Карнеги за Международный Мир, был ранее опубликован в издаваемом Московским Центром Карнеги журнале «Pro et Contra», № 4 за июль-август 2008 г.

В книге отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Саджадпур, К.
С14 Читая Хаменеи: взгляды на мир самого влиятельного деятеля Ирана /
Карим Саджадпур ; [пер. с англ. А. С. Сатунина] ; Моск. Центр Карнеги. — М. :
Изд. Эхо Бук, 2009. — 51 с.
ISBN 5-98564-004-3

УДК 327.51
ББК 66

© Carnegie Endowment for International Peace, 2009

Содержание

Благодарность	7
Значение фигуры Хаменеи	9
Скромное начало пути к великой власти	13
Хаменеи становится Высшим руководителем Ирана	16
Революционные добродетели	20
Революционные добродетели и внешняя политика	25
Соперники Высшего руководителя и будущее Ирана после Хаменеи	40
Выводы и политические следствия	44
Примечания	47
Об авторе	50
О Фонде Карнеги	51

Благодарность

Автор выражает благодарность Томасу Карозерсу (Thomas Carothers), Мохсену Милани (Mohsen Milani), Марине Оттауэй (Marina Ottaway), Джорджу Перковичу (George Perkovich) и Питеру Рейду (Peter Reid) за их важные замечания. Автор также благодарен младшим научным сотрудникам Фонда Карнеги за Международный Мир Майклу Гросаку (Michael Grosack) и Эндрю Нг (Andrew Ng) за научно-техническое обеспечение и помощь в редакции при подготовке данного издания к печати.

Значение фигуры Хаменеи

Наверное, в мире нет другого человека, который оказывал бы такое большое влияние на современную политику и в то же время был бы столь непонятен и малоизвестен, как аятолла Али Хаменеи, Высший руководитель Ирана. Он не диктатор, но и не демократ, в нем сочетается и то, и другое. В современном Иране, стране с авторитарным режимом и раздробленной политической элитой, Хаменеи — самый могущественный политик. Сам он в одиночку не принимает серьезных решений, но ни одно важное решение не принимается без его одобрения. При этом он управляет страной путем достижения консенсуса, а не издания декретов. Его основными приоритетами являются сохранение теократической системы и собственной политической власти.

Али Хаменеи активно участвует в общественно-политической жизни уже три десятилетия, и тем не менее те, кто знает иранскую политику изнутри, предлагают разные версии того, что же он собой представляет. Он не столь популярен, как «отец иранской революции» 1979 года, его наставник аятолла Рухолла Хомейни, и у него нет такой харизмы и глубины теологических знаний. Поэтому некоторые обозреватели считают его слабым и нерешительным человеком, оказавшимся на высокой должности. Другие полагают, что он опасный деспот, который управляет страной, постоянно вмешиваясь в мельчайшие детали. Третьи указывают на слабое здоровье Хаменеи и говорят, что он в первую очередь духовное лицо, что он оторван от реальности и служит марионеткой в руках небольшой группы советников и приближенных лиц, которые ограничивают его контакты.

Люди, знавшие Хаменеи до того, как он занял должность Высшего руководителя, утверждают, что он относится к «умеренным», но вынужден играть роль жесткого политика, чтобы сдерживать радикально настроенных клерикалов. В подтверждение своей позиции они упоминают о том, что в свое время Хаменеи увлекался поэзией и музыкой и носил на руке часы, что среди духовных лиц ортодоксального толка считалось авангардизмом. Другие знающие его люди не ищут «двойное дно», предпочитая исходить из того, что Хаменеи говорит и делает; они считают его глубоко религиозным, идеологически жестким, антиамерикански настроенным представителем духовенства, проводящим политику, характерную для антиимпериалистической эйфории революции 1979 года.

Большинством молодого населения Ирана (две трети граждан этой страны моложе 33 лет) Хаменеи воспринимается как данность: большую часть их жизни он был либо президентом страны (1981—1989 годы), либо Высшим руководителем (с 1989 года по настоящее время). Его образ — черный тюрбан, огромные очки, палестинская куфия и косматая серая борода — здесь так же повсеместно является вам в магазинах и на рекламных щитах, как изображения верховных правителей

и монархов в арабском мире. Но все же, несмотря на постоянное присутствие его образа на телеэкране и в общественных местах, Хаменеи не вызывает у иранцев сильных эмоций ни как объект поклонения, ни как объект насмешек. Иранцы (кроме правительства) редко поют ему хвалу, однако он не вызывает и такого негодования, с каким многие воспринимают клерикальных политиков вроде Хашеми Рафсанджани. Но при некоторых недостатках и нехватке обаяния Хаменеи, однако, не считается коррупционером.

Конституционные полномочия у Высшего руководителя сильно превосходят президентские. Однако — случайно или умышленно — за пределами Ирана Хаменеи всегда остается в тени иранского президента. Когда президентом Ирана был хитрый Рафсанджани (1989—1997), зарубежные средства массовой информации и правительства других стран считали именно его, а не Хаменеи, самым влиятельным официальным лицом Ирана. Реформатор Мохаммад Хатами (1997—2005) обошел Хаменеи слева, призвав к «диалогу цивилизаций», а бывший мэр Тегерана Махмуд Ахмадинежад (нынешний президент Ирана, вступивший в эту должность в 2005 году), произнося резкие обличительные речи в адрес Израиля и поставив под сомнение Холокост, потеснил Хаменеи с правого фланга. Поиск в *Google* показывает, что Ахмадинежад упоминается примерно в десять раз чаще, чем Хаменеи.

Хаменеи не стремится быть в центре внимания, не жаждет известности. Такая позиция помогает ему удерживать власть и является важной причиной его политической мощи. Когда в 1989 году он сменил Хомейни на должности Высшего руководителя, на него не возлагали особых надежд. А после неожиданной победы на президентских выборах 1997-го энергичного Хатами, который породил надежды на начало либерализации Ирана, политическое будущее жестковатого Хаменеи вообще казалось неясным. Но сегодня, в силу целого ряда причин, как внутренних, так и внешних, Хаменеи приобрел громадное влияние, большее, чем когда-либо раньше.

Если говорить о международных отношениях, то стремительный рост цен на нефть и умелое использование Ираном трудностей, переживаемых США в Ираке, Ливане и Палестине, дают Исламской Республике Иран беспрецедентную возможность противостоять США, что прибавляет уверенности Хаменеи и сторонникам жесткого курса. Наряду с этим усилия администрации Буша по продвижению демократии и угроза применения силы против Ирана, которая кажется более реальной на фоне присутствия десятков тысяч американских солдат в соседних странах, обеспечивают тегеранским сторонникам жесткого курса предлог для подавления несогласных и свертывания политических и социальных свобод, завоеванных в период правления Хатами.

Усилению влияния Хаменеи внутри страны способствовало несколько факторов, а именно: (1) на должности в государственных управленческих структурах было назначено множество преданных Хаменеи людей, что способствует дальнейшему укреплению его власти; (2) слабый парламент, контролируемый консерва-

торами, председателем которого является лояльный Хаменеи Голам Али Ходдад Адель (его дочь замужем за сыном руководителя); (3) стремительно растущее политическое и экономическое влияние Корпуса стражей исламской революции; Хаменеи лично осуществляет назначения на руководящие посты Корпуса стражей, а назначенцы неизменно демонстрируют свое почтение к руководителю; (4) разочарование молодого поколения иранцев в политике, обусловленное тем, что правительство реформаторов не выполнило своих обещаний; (5) и, наконец, самый главный фактор — убедительная победа сторонника жесткого курса Ахмадинежада во втором туре президентских выборов над Хашеми Рафсанджани, главным соперником Хаменеи.

И хотя эти факторы переменчивы (цены на нефть могут снизиться, положение в Ираке может улучшиться, а на парламентских и президентских выборах в Иране прагматики могут обойти сторонников жесткой руки), в обозримом будущем Иран будет по-прежнему критически важным для жизненных интересов США, а Хаменеи остается важнейшей фигурой в Иране. Поэтому полезно подробнее познакомиться с личностью Хаменеи, его послужным списком руководителя и его представлениями относительно пути, по которому Ирану следует идти. Специалисты по Ирану и обозреватели, получающие информацию из первых рук, анализируя революцию 1979 года, часто отмечают, что аскетический исламский курс, по которому пошла иранская революция, никого не удивил. В своих трудах и лекциях Хомейни вполне ясно изложил то, как ему видится исламское правление. Проблема в том, что мало кто взял на себя труд их прочитать.

После смерти Хомейни эксперты по Ирану, пытаясь спрогнозировать будущее страны, стали изучать отдельных политиков, политические группы и тенденции. В период 1989—1997 годов из политиков наибольшее внимание привлекал к себе президент Рафсанджани, из политических групп — исламисты-технократы, а главным сюжетом была реконструкция страны после войны с Ираком. В период 1997—2005 годов из политиков наибольшее внимание привлекал к себе президент-реформатор Мохаммад Хатами, из политических групп — студенческое движение, а главным сюжетом было развитие демократии и гражданского общества. С 2005 года до настоящего времени основное внимание среди политиков уделяется стороннику жесткого курса президенту Ахмадинежаду, среди политических групп — Корпусу стражей исламской революции, а среди сюжетов на первый план вышел возврат к революционному радикализму.

При этом есть один неизменный фактор, который действовал в течение всего этого времени и продолжает действовать сейчас. Этим фактором был и остается Хаменеи. Преобладают именно его видение внутреннего устройства страны (более исламистское, чем республиканское) и его взгляды на внешнюю политику (без конфронтации, но и без примиренчества). Он противостоял желанию Рафсанджани достичь временного согласия с Вашингтоном и намерению Хатами строить более демократическую страну, теперь он сдерживает Ахмадинежада, не допуская

прямой конфронтации. Хотя его считают великим мастером политического балансирования, Хаменеи неизменно предпочитает консерваторов реформаторам.

Статьи и речи Хаменеи (как и Хомейни), наверное, точнее всего отражают цели иранской политики, как внутренней, так и внешней, и политический курс страны. Они рисуют образ решительного лидера, обладающего удивительно связанной и последовательной системой взглядов на мир, но при этом в высшей степени циничной и даже конспирологической. Перед любой аудиторией (будь то иранские студенты или иностранные высокопоставленные лица), при выступлении на любую тему (будь то внешняя политика или сельское хозяйство) Хаменеи не упускает возможности упомянуть о главных ценностях революции 1979 года (справедливость, независимость, самодостаточность), высказать глубокое презрение к Израилю («сионистскому образованию») и выразить протест против американских амбиций («глобальное высокомерие»).

Данное исследование, основанное на предпосылке, что Хаменеи верит в то, что говорит, и что его слова в целом отражают политику Исламской Республики, представляет портрет аятоллы Хаменеи, нарисованный исходя из его собственных слов, в результате внимательного чтения его речей и писем за тридцатилетний период. Чтобы разработать более эффективный подход в отношении Ирана, необходимо добиться лучшего понимания Хаменеи.

Скромное начало пути к великой власти

Хаменеи появился на свет и рос в скромной религиозной семье, что вообще типично для клерикальной и политической элиты Ирана. Он родился в 1939 году в Мешхеде, священном городе на северо-западе Ирана. Хаменеи был вторым ребенком в семье с восемью детьми, его отец, этнический азербайджанец, был духовным лицом. Хаменеи романтизирует свое «бедное, но благочестивое» детство и часто вспоминает, что на обед ему приходилось довольствоваться «хлебом с изюмом». Его образование началось в пятилетнем возрасте в семинарии в Мешхеде, и именно там — с небольшими перерывами для продолжения образования в более престижных шиитских центрах Неджефе и Куме — прошли годы формирования его личности. Хаменеи говорил, что он был прилежным учеником, но ему пришлось прервать учебу в семинарии в Куме и вернуться в Мешхед, чтобы ухаживать за больным отцом, — он использует это как оправдание того, что он не достиг таких высот в религиозном образовании, как его предшественник аятолла Хомейни.

Решающее влияние на становление Хаменеи как политика оказали две личности. Он вспоминает, как в молодости увлекся политикой и вступил на «путь джихада», воодушевленный идеями радикального религиозного деятеля Навваба Сафави, непримиримого противника и шахского правительства, и империалистических стран. Сафави был одним из первых сторонников исламской революции и исламского правительства. Кроме того, Сафави непосредственно или косвенно принимал участие в подготовке убийств нескольких известных интеллектуалов и правительственных чиновников. В 1955 году он был казнен шахским правительством.

Через несколько лет, во время учебы в Куме (тогда Хаменеи было чуть больше двадцати лет), он был учеником Хомейни, который остался его политическим наставником на всю жизнь. В то время Хомейни не был широко известен в Иране, однако его стоицизм и непримиримое отношение к шаху сделали его популярным среди молодых семинаристов. На Хаменеи он производил колоссальное впечатление. Когда в 1963 году шах выслал Хомейни в Ирак, Хаменеи был среди нескольких наиболее преданных ему учеников, которые пропагандировали крамольные взгляды своего учителя, ратовавшего за исламское правительство.

В это же время Хаменеи тесно сблизился с единомышленниками, революционно настроенными клерикалами (среди них были, в частности, Рафсанджани и влиятельный аятолла Мисбах Язди из правого крыла), которые, как впоследствии и сам Хаменеи, заняли ключевые посты в Исламской Республике. В 1960—1970 годы тайная полиция шаха (САВАК) шесть раз арестовывала Хаменеи за политическую деятельность, что тоже типично для многих представителей современной полити-

ческой элиты Ирана. Несколько лет он провел в тюрьме, подвергался пыткам, сидел в одиночной камере, а затем его сослали в отдаленный район Ирана (Систан и Белуджистан), где он оставался вплоть до революции 1979 года. Люди, знающие Хаменеи, считают, что именно в этот период и сформировалась его ненависть к Израилю и Соединенным Штатам, так как пытали его сотрудники САВАК, которые, как полагают многие, проходили обучение в ЦРУ и Моссаде.

Получая блага от исламской революции

Упорное сопротивление Хаменеи шахскому режиму и его многолетняя верность Хомейни в конце концов окупились с лихвой. Когда пал режим шаха Пехлеви и идеи аятоллы Хомейни одержали в Иране полную победу, аятолла пригласил Хаменеи на работу в новое революционное правительство, где Хаменеи занимал различные ответственные должности. Так, в 1980 году Хаменеи некоторое время занимал пост министра обороны, а затем, после начала ирано-иракской войны, руководил Корпусом стражей исламской революции. Благодаря своим прекрасным ораторским способностям Хаменеи получил влиятельную должность руководителя пятничной молитвы в Тегеране.

Очень важным для Хаменеи стал 1981 год. В июне на него было организовано покушение радикальной оппозиционной группировкой «Моджахедин-э Халк» (МКО): на пресс-конференции рядом с ним разорвалась спрятанная в магнитофоне бомба, но он остался жив, хотя и получил серьезные ранения. Он до сих пор страдает от болей, и у него не работает правая рука. Через несколько месяцев МКО нанесла новый удар. Она провела масштабный теракт: взрывы бомб вызвали гибель более ста высокопоставленных иранских чиновников, в том числе и тогдашнего президента Ирана Мохаммада Али Раджаи.

Последовавшая за этим неразбериха оказалась на руку 42-летнему Хаменеи. Вскоре после гибели Раджаи революционная элита предложила ему баллотироваться в президенты. Хотя в то время конституционная власть президента была очень небольшой, Хаменеи отклонил предложение, сославшись на слабое здоровье и нехватку сил для полноценного выполнения обязанностей президента. В ответ ему якобы сказали: «Именно поэтому мы и предлагаем тебе занять эту должность». При поддержке Хомейни он с подавляющим перевесом победил в двух президентских кампаниях, на которых у него не было реальных конкурентов. Хаменеи был первым клерикальным президентом Ирана с 1981 года и оставался им до смерти Хомейни в 1989-м.

В своей инаугурационной речи Хаменеи поклялся подавлять «любые уклоны, либерализм и левое движение, находящееся под влиянием американцев», риторически определив общий характер своего будущего президентства. Он согласился быть доверенным лицом Хомейни и пропагандировать взгляды своего учителя как

внутри страны, так и во время зарубежных поездок. Кроме того, он играл определенную, хотя и второстепенную роль в формировании внутренней политики и военной стратегии в то время, когда премьер-министром был Мир-Хоссейн Мусави (в 1989 году эта должность была упразднена), председателем парламента — Рафсанджани, а командующим Корпусом стражей исламской революции — Мохсен Резаи. Сейчас эти люди находятся в подчинении у Хамени и вынуждены, возможно, без особой охоты, выполнять его распоряжения, но тогда ничто не предвещало, что Хамени станет самым влиятельным официальным лицом страны.

Хаменеи становится Высшим руководителем Ирана

Я человек со многими недостатками и слабостями, всего лишь скромный семинарист.

Из инаугурационной речи Хаменеи, июнь 1989 года

Чтобы понять стиль руководства Хаменеи, нужно четко представлять, каким образом он занял должность Высшего руководителя (*Vali-e Faqih*). Согласно конституции Исламской Республики Иран руководитель должен быть великим аятоллой (*Ayatollah al-Ozma*). Однако Хомейни поссорился со своим единственным объявленным наследником аятоллой Монтазери. Это поставило революционную элиту в затруднительное положение: необходимо было найти такого кандидата, который одновременно был бы и опытным бюрократом-управленцем, и аятоллой-политиком, разделяющим взгляды Хомейни на исламское государство и пользующимся широким уважением.

В апреле 1989 года, за три месяца до своей кончины, разочаровавшись в тех, кто входил в состав высшего духовенства страны, Хомейни внес изменения в конституцию. Теперь кандидату на должность Высшего руководителя достаточно было хорошо знать исламскую юриспруденцию и иметь «соответствующие политические и управленческие навыки». Хаменеи, который в то время еще не знал, что займет пост руководителя, утверждал, что легитимность Хомейни обусловлена не тем, что он был аятоллой, а его репутацией мужественного политического лидера и специалиста по исламской юриспруденции². Рафсанджани, который в то время занимал пост спикера парламента, поддержал Хаменеи: к тому моменту, когда человек может достичь статуса великого аятоллы, сказал он, он уже слишком стар и немощен, чтобы управлять страной³.

Широко распространено мнение, что Рафсанджани сыграл важную роль в том, что Хаменеи получил высочайший пост. Он провел большую закулисную работу, добиваясь, чтобы его старый друг и союзник был назначен на должность руководителя (именно таким, по словам Рафсанджани, было предсмертное желание Хомейни). Вскоре после кончины Хомейни в июне 1989 года Собрание экспертов (религиозный орган, который согласно конституции назначает и снимает с должности Высшего руководителя) одобрил кандидатуру Хаменеи 60 голосами против 14.

Послужной список Хаменеи как религиозного деятеля был не слишком впечатляющим, и это решение привело в ярость клерикальные элиты в Куме; в то же время политические элиты Ирана активно поддержали Хаменеи. Глава Собрания экспертов аятолла Мешкини объявил, что выбор пал на Хаменеи, потому что он был близок к Хомейни, играл важную роль во время революции и в вой-

не с Ираком и хорошо разбирается в «современных проблемах, стоящих перед мусульманским миром»⁴. Сын Хомейни Ахмад, которого одно время рассматривали как возможного преемника его отца, писал Хаменеи, что «Имам [Хомейни] считал Вас самым компетентным среди деятелей Ирана для того, чтобы возглавить Исламскую Республику». Статус Хаменеи внезапно поднялся от среднего «ходжат ол-Ислам» (*Hojjat ol-Islam*) до престижного аятоллы (что означает «знак Бога»).

Заслуживает внимания инаугурационная речь Хаменеи как Высшего руководителя. Она почти целиком состоит из восхвалений Хомейни и заверений, что его, Хаменеи, единственной целью является следование «дорогой имама»; он даже сказал, что молил бога, чтобы тот позволил ему умереть раньше учителя. Лишь один раз, говоря о себе, он назвал себя новым руководителем, проявив поразительную скромность: «Я человек со многими недостатками и слабостями, всего лишь скромный семинарист. Однако на мои плечи легла большая ответственность, и все свои способности и всю веру во Всемогущего я направлю на выполнение своих трудных обязанностей»⁵.

Хаменеи прекрасно понимал, что у него нет такой поддержки высшего духовенства и той популярности, которые были у Хомейни, а потому, укрепляя свои позиции, поначалу действовал осторожно и медленно. Он убедил политическую и клерикальную элиту страны, что не намеревается нарушать статус-кво. Однако при этом он проявил дальновидность и сразу стал выстраивать собственную базу поддержки в иранском обществе и подбирать особую группу преданных ему людей, которые служили бы его «глазами и ушами» (в бытность президентом он не располагал ни тем, ни другим).

Не привлекая лишнего внимания, он начал формировать своего рода институт «религиозных комиссаров», численность которых сейчас составляет, по разным оценкам, несколько тысяч человек. Его ставленники заняли ключевые должности во всех важных министерствах и других организациях, в том числе в церковных и военных учреждениях. В настоящее время его сторонники образуют разветвленную сеть, охватывающую всю страну и имеющую своих людей за границей. Через этих людей Хаменеи осуществляет свою власть, они обладают большим влиянием, чем любые другие правительственные функционеры, потому что они имеют право вмешиваться в любые государственные дела⁶.

После смерти Хомейни Исламская Республика вступила в фазу термидора. Консолидации, институционализации и экспорту революции по-прежнему уделялось много внимания, однако на первый план выдвинулись неотложные проблемы послевоенного восстановления страны и подъема экономики, которая находилась в состоянии глубокого упадка. Президент Рафсанджани взял на себя руководство соответствующими программами, реализация которых подразумевала и выход Ирана из дипломатической изоляции. Риторика Хаменеи оставалась суровой и революционной, однако в целом он поддерживал усилия Рафсанджани по улучшению

отношений Ирана с арабскими соседями и европейскими странами. Но что касается отношений с Соединенными Штатами, он сохранял жесткую позицию.

Власть Высшего руководителя

Конституционные полномочия Хаменеи как Высшего руководителя почти безграничны. Он контролирует все основные рычаги государственной власти (суды, армию и средства массовой информации), так как именно он назначает руководителей судебной системы, государственного радио и телевидения, регулярных вооруженных сил и элитного Корпуса стражей исламской революции. Кроме того, под его контролем находится второй по значимости институт власти — Совет стражей, состоящий из 12 членов (назначаемых прямо или косвенно самим Хаменеи) и обладающий правом проверять благонадежность кандидатов на выборах и налагать вето на решения парламента.

Огромная власть Хаменеи во многом объясняется тем, что в его распоряжении (хотя и неявно) находятся громадные экономические ресурсы, которые контролирует государство. Иранская экономика в значительной степени контролируется государством, и мнение Хаменеи о том, куда направить доходы от нефти, имеет больший вес, чем чье-либо другое. К сфере его полномочий относится также руководство благотворительными фондами страны (*boniyad*), активы которых измеряются миллиардами долларов. Кроме того, Высший руководитель распоряжается многомиллионными денежными пожертвованиями, предназначенными для религиозных святынь Ирана.

Хаменеи нравится производить впечатление великодушного и бескорыстного старца, стоящего над схваткой и ведущего страну по пути благочестия. По его словам, «...главная задача Высшего руководителя состоит в том, чтобы охранять исламскую систему и завоевания революции. Управление делами страны поручено правительственным чиновникам, но именно Высший руководитель должен контролировать работу различных правительственных органов, удостовераясь в том, что они функционируют в соответствии с догматами ислама и принципами революции»⁷.

Но в действительности известно, что Хаменеи остро реагирует на выпады в свой адрес. Одним из немногих сохранившихся в иранской политике табу является критика в адрес руководителя, которая почти неизбежно карается тюремным заключением. Хотя даже его семья не безупречна в этом отношении. Лояльные Хаменеи силы «Басидж» жестоко избили его младшего брата, клерикала-реформиста Хади Хаменеи, за то, что тот в проповеди посмел негативно отозваться о слишком широких властных полномочиях Высшего руководителя.

Отношения между Хаменеи и Корпусом стражей исламской революции вызывают некоторые вопросы. Эти отношения носят все более симбиотический харак-

тер, и в политическом плане они выгодны Хаменеи, а в экономическом — революционным стражам. Хаменеи является их главнокомандующим, он назначает старших командиров, которые, в свою очередь, публично заявляют о своем уважении к руководителю и имеют все больше выгод от активного участия в процессе принятия решений и экономической деятельности.

Революционные добродетели

В представлении Хаменеи революция 1979 года избавила иранское государство от двух зол: шаха и Соединенных Штатов, — а также создала теократическое правление, опирающееся на четыре основных добродетели: справедливость, независимость, самодостаточность и исламское благочестие. Эти идеалы революции сформировались как реакция на политическую ситуацию в период шахского режима 1960—1970-х годов, но тем не менее они по-прежнему доминируют в политическом дискурсе Хаменеи, в котором они органично переплетаются друг с другом: ислам олицетворяет справедливость, независимость требует самодостаточности, иностранные государства враждебно относятся к независимой Исламской Республике Иран.

Ислам и справедливость

В представлении Хаменеи ислам и справедливость — это две стороны одной медали, представляющие собой две самых главных составляющих иранского общества, государства и внешней политики страны. Он говорит, что справедливость — это «основной девиз и благородная цель исламской революции и нашей Исламской Республики», и, как ранее Хомейни, видит ислам как всеобъемлющую социальную и политическую основу общества⁸. Он исходит из того, что в «справедливом» Иране юридические законы и общественные установления опираются на исламские нравы и традиции, а эгалитаристская экономика позволяет свести к минимуму классовое неравенство.

В отличие от бывших президентов Ирана Хатами и Рафсанджани, которые предлагали менее жесткий вариант исламского правления, Хаменеи считает, что исламская идеология — залог силы и стабильности Ирана, а вовсе не слабость, которую не следует акцентировать. Победа Ахмадинежада на президентских выборах 2005-го только укрепила Хаменеи в этом мнении, поскольку набожность нового президента и избранная им платформа экономической справедливости позволили ему одержать верх над политиками, призывавшими к политической и социальной либерализации.

Представление Хаменеи о справедливом исламском обществе можно рассматривать как своего рода религиозный социализм. Хаменеи утверждает, что исламское правление в Иране можно считать успешным, потому что ко всем членам общества в Иране относятся одинаково, без какой-либо дискриминации, тогда как в западных странах с либеральными правительствами и странах, находящихся под влиянием Запада, из-за корыстолюбия и изъятий капитализма справедливость

для миллионов людей просто недостижима: «Ислам отрицает западную модель экономического развития, которая обеспечивает экономический рост и увеличивает богатство отдельных слоев общества за счет обнищания и снижения жизненного уровня других социальных групп. Цель ислама — экономическое развитие и процветание всех социальных групп на основе социальной справедливости»⁹.

Несмотря на то что Хаменеи поддерживает проведение экономических реформ, в частности приватизацию, основным способом обеспечения экономического развития и социальной справедливости в Иране являются громадные государственные субсидии (более 20 млрд долл. в год) на основные продукты питания и предметы первой необходимости, такие как бензин и масло для жарки. Однако Хаменеи подчеркивает отличие исламской системы обеспечения социальной справедливости в Иране от «безбожного» социализма в СССР и странах Восточной Европы. Он отмечает любые сравнения идеологической апатии в сегодняшнем Иране с обанкротившейся идеологией в странах советского блока в конце 1980-х годов. Противопоставляя Иран Советскому Союзу, Хаменеи говорит: «Ислам — это не марксизм. Ни коммунизм, ни марксизм не были истинной верой для основной массы населения Советского Союза, они являлись лишь идеологией Коммунистической партии, которая насчитывала 10—15 миллионов членов, тогда как численность всего населения страны приближалась к 300 миллионам. И даже для членов партии их привилегии были намного важнее идеологии. Ислам — это религия народа, народ любит ислам. Ради этой религии преданные Ирану люди посылали своих любимых детей на фронт и не скорбели, если их дети принимали мученическую смерть, а возносили за это благодарность Всевышнему!»¹⁰.

Хотя ислам закладывает основы представлений о справедливости, Хаменеи считает, что и распространение религии будет наиболее успешным, если она будет ассоциироваться со справедливостью. В своем ярком выступлении перед группой христианских священников, приехавших в Иран из Европы, он объяснил, как Исламская Республика привлекает молодых сторонников: «Для молодежи естественна тяга к религии и духовности, но мы должны также попытаться предложить им нечто более притягательное. Я как священнослужитель по опыту знаю, что существуют способы сделать религию более привлекательной для молодежи, и я поделюсь этим опытом с вами. Я полагаю, что если религия защищает угнетенных и отстаивает справедливость, она становится более привлекательной для молодежи, потому что по всему миру молодежь поддерживает движения, целью которых является становление справедливости. Ведь справедливость составляет неотъемлемую часть любой религии, и самые известные герои в истории человечества, боровшиеся за справедливость, были религиозными деятелями. Ваш Пророк [Иисус] боролся за справедливость всю свою жизнь, и наш Пророк всю жизнь добивался справедливости... Если христианские и мусульманские священнослужители сегодня поднимут проблему справедливости, это безусловно увеличит привлекательность их проповедей»¹¹.

Интересно отметить, что Хаменеи говорит о мощи и популярности ислама как о социальном и политическом факторе и в то же время признает, что в современном Иране авторитет духовенства падает. Как-то раз, выступая перед группой кинорежиссеров, он сказал следующее: «Ваше влияние во много раз сильнее, чем влияние священника, проповедника или писателя. Я бы мог сказать, что ваше влияние в десять раз сильнее, но на самом деле этот разрыв еще больше. Поэтому вы понимаете, что существует большая разница между влиянием хорошо сделанного кинофильма и влиянием речей проповедника!»¹².

В представлении Хаменеи Исламская Республика является образцовым носителем справедливого правления — при условии, что ее руководство проводит «справедливую политику», в том числе противодействует Соединенным Штатам и Израилю, несмотря на сопряженные с этим потенциальные политические и экономические издержки (санкции и изоляция). Однажды Хаменеи заявил, что Иран «предпочтет поражение победе, достигнутой путем несправедливости или насилия»¹³.

Независимость и самодостаточность

С точки зрения Хаменеи революция 1979 года была в одинаковой мере направлена как на устранение иностранного влияния, так и на становление исламской справедливости, причем последнего невозможно достичь без реализации первого. Сейчас, через три десятилетия, закрытая экономика Ирана испытывает серьезные трудности, тогда как соседние страны, такие как Турция и Объединенные Арабские Эмираты, благодаря использованию возможностей глобализации, свободной торговли, иностранных инвестиций и открытых рынков, добились экономического процветания. Однако Хаменеи по-прежнему настаивает на том, что Иран вполне самодостаточен и потому может обеспечить себе экономическую независимость, а она, в свою очередь, обеспечивает и политическую независимость.

В выступлениях Хаменеи часто звучит тема причинно-следственной связи между научно-техническим прогрессом, самодостаточностью и политической независимостью. Одним из основных минусов шахского режима, по мнению Хаменеи, было то, что шах рассчитывал на Запад, в частности на Соединенные Штаты, в плане привлечения специалистов и технических знаний. По словам Хаменеи, «страны-колонизаторы прекрасно понимают, что для обретения политического и экономического контроля над какой-либо страной нужно создать препятствия ее научно-техническому развитию»¹⁴.

Поэтому Хаменеи утверждает, что американские и европейские санкции против Ирана не только бесполезны и не изменят курс Ирана, но и конструктивны в том смысле, что заставляют Иран еще больше полагаться на собственные силы: «Когда эти страны наложили санкции на Исламскую Республику, покойный имам

Хомейни приветствовал такие действия и сказал, что он счастлив. Реакция имама имеет глубокий смысл, так как в результате этих санкций иранский народ сосредоточил усилия на использовании собственных ресурсов и стал более самостоятельным... Сегодня эти страны опять грозят санкциями Исламской Республике. Ситуация не изменилась, санкции не окажут негативного влияния на нашу страну и народ»¹⁵.

Иногда Хаменеи более откровенно говорит о цене, которую платит Иран за свой политический выбор, но при этом утверждает, что независимость Ирана оправдывает эти издержки: «Чтобы обрести независимость и добиться национального суверенитета и уважения, любая нация должна заплатить определенную цену. Нации должны нести эти издержки и прилагать все усилия для достижения вышеуказанных целей. Они должны верить, что их усилия принесут весомые результаты, несмотря на все попытки врагов подорвать их надежды и чаяния»¹⁶.

Избрание Ахмадинежада

Когда дело касается отношений между различными политическими группировками Ирана, Хаменеи старается показать, что он занимает нейтральную позицию. Он как-то сказал, что для успешного развития Исламской Республики консерваторы и реформисты — как два крыла птицы. Но если внимательно прочитать тексты его выступлений за несколько месяцев, предшествовавших президентским выборам 2005 года, станет ясно, что он был сторонником Ахмадинежада. И хотя победа бескомпромиссного мэра Тегерана вызвала шок даже у самых тертых обозревателей, следящих за иранской политикой, в ретроспективе можно обнаружить признаки того, что Хаменеи (в том числе и под влиянием своего сына Можтаба) тонко вел кампанию в пользу Ахмадинежада.

Инженер по образованию, глубоко религиозный человек, выступавший на выборах с позиций исламского благочестия и экономической справедливости, Ахмадинежад воплотил в себе те революционные идеалы, которые Хаменеи хотел видеть в кандидате. В своем пространном обращении за неделю до выборов Хаменеи описал идеального, по его мнению, кандидата в президенты, что, безусловно, можно расценить как поддержку Ахмадинежада в противовес его главному сопернику Рафсанджани: «Лично я хотел бы, чтобы в президенты выбрали человека, чья главная задача — служение народу... который верен идеалам нашей революции и исламской системе, который на деле готов вершить справедливость и бороться с коррупцией. Я обращаюсь с молитвой к всевышнему Аллаху направить наш народ так, чтобы он проголосовал за кандидата в президенты, обладающего этими качествами... Я уверяю вас, что если в президенты выберут энергичного и компетентного кандидата, отдающего себя служению народу, чьими приоритетами являются социальная справедливость, устранение дискриминации и искоренение

коррупции из нашего общества, то будут решены многие проблемы, стоящие перед нашей нацией как внутри страны, так и на международной арене»¹⁷.

Из восьми кандидатов на пост президента Ирана техническое образование было только у Ахмадинежада (он имеет докторскую степень в области транспортной инженерии), и в одной из своих речей в рамках предвыборной кампании Хаменеи сказал: «Наши самые талантливые студенты всегда учились в наших технических университетах... На моей памяти самых умных и самых энергичных студентов всегда принимали в различные технические университеты и другие высшие учебные заведения»¹⁸.

До недавнего времени Хаменеи открыто поддерживал Ахмадинежада, несмотря на крайне негативное мировое общественное мнение и то политическое и экономическое давление, которое навлекла на Иран его политика. Хаменеи публично защищал его так, как никогда не защищал Хатами: «Лозунги и планы нового правительства, а также глубокая связь президента Махмуда Ахмадинежада с народом подняли моральный дух нашего общества и внушили иранцам надежду и оптимизм. Сегодня у иранцев меньше поводов для жалоб на работу правительственных учреждений, и не потому, что все проблемы решены, но потому, что теперь люди стали более оптимистично смотреть в будущее, и потому, что они видят, что во многих сферах ситуация улучшается»¹⁹.

И хотя позднее Хаменеи перестал публично одобрять деятельность Ахмадинежада, тем не менее во многих отношениях Ахмадинежад по-прежнему соответствует образу идеального президента, как его представляет себе Хаменеи. Ахмадинежад почтительно относится к Хаменеи и его политической власти; на фоне Ахмадинежада голос Хаменеи — это умеренный голос разума. Более того, нарастающее политическое и общественное недовольство, связанное с деятельностью Ахмадинежада на посту президента, еще больше поднимает авторитет Хаменеи.

Революционные добродетели и внешняя политика

Однако между декларируемыми Хаменеи революционными идеалами и реальной внешней политикой Ирана существует большой разрыв. В связи с этим среди обозревателей возникают споры о том, определяется ли внешняя политика Ирана идеологией или все же тщательно рассчитанными национальными интересами. Существуют аргументы, свидетельствующие в пользу и того, и другого утверждения. Такие понятия, как справедливость, мусульманская солидарность и независимость, широко используются для поддержки палестинцев, но в то же время из-за опасения поспорить с Россией чеченская проблема последовательно замалчивалась. Когда нужно поддержать ХАМАС и «Хезболлу», вспоминают о мусульманском единстве. Однако в войне против мусульманского (более того, шиитского) Азербайджана Иран поддерживал христианскую Армению. Иран ругает Соединенные Штаты за их «безбожность» и безнравственность и в то же время налаживает тесные связи с социалистическими правительствами Кубы и Венесуэлы.

В качестве Высшего руководителя Хаменеи стремится продолжать внешнюю политику Хомейни; он не отказывается от прошлого и не выдвигает собственные инициативы. Но в некоторых случаях он готов предоставить другим большую свободу при выборе политических решений. Так, при Рафсанджани произошло сближение с Саудовской Аравией, правительство которой Хомейни клеймил как воплощение «зла»; при Хатами потеплели отношения с европейскими странами. Однако Хаменеи отказывается пересмотреть фундаментальные основания внешней политики Ирана времен революции: это враждебное отношение и противодействие Соединенным Штатам и Израилю.

За время, прошедшее после революции, внешняя политика Ирана значительно изменилась, но идеологическая доктрина Исламской Республики по-прежнему основана на трех принципах: женщины обязаны закрывать лицо (носить хиджаб), а Соединенные Штаты являются противником Ирана, как и Израиль. Отказ от этих принципов поставил бы под сомнение сам смысл существования исламской системы и размыл бы границы между идеологией режима и его реальными интересами.

Страх и ненависть по отношению к Америке

Что Соединенные Штаты, направлявшие агрессию против нашей исламской революции, ожидают от нашей нации и нашего правительства — так это подчинения и признания поражения перед лицом их гегемонии — и в этом кроется основная причина заявлений США по поводу оружия массового уничтожения, прав человека или демократии.

Речь перед студентами Университета имени Шахида Бехешти, май 2003 года

Презрение к Соединенным Штатам является давней и последовательной позицией Хаменеи. В своих выступлениях на протяжении вот уже трех десятилетий он (сначала как президент, затем как Высший руководитель) крайне редко, по крайней мере публично, положительно отзывался о США или говорил о возможности восстановления отношений с американским правительством. Наоборот, какова бы ни была тема его выступления — внешняя политика, сельское хозяйство или образование, — он искусно связывал обсуждаемый предмет с жестокостью, алчностью и злонамеренными замыслами государства, которое он обвиняет в «глобальном высокомерии».

С приходом администрации Джорджа Буша-мл. американо-иранские отношения, несомненно, стали еще более враждебными. В Вашингтоне иранский режим называют частью «оси зла», в ответ на это Хаменеи называет США «воплощением дьявола». Но вообще враждебность Хаменеи к Соединенным Штатам была совершенно очевидна с первых дней исламской революции. Тому было несколько причин, как исторических, так и напрямую связанных с современностью: Вашингтон поддерживал правительство шаха, Израиль, а также Саддама Хусейна во время ирано-иракской войны; Вашингтон отказался признать Исламскую Республику и вмешивался в ее внутренние дела; и наконец, важным фактором было военное присутствие США в Персидском заливе и их предполагаемое стремление к мировой гегемонии.

Однако, хотя близкие к Хаменеи лица говорят о его глубоком недоверии по отношению к намерениям США, их мнения о готовности Хаменеи к сближению с Вашингтоном расходятся. Одни утверждают, что его враждебность зиждется на идеологических основах и что Хаменеи согласен с изречением Хомейни, что единственно возможные отношения между Соединенными Штатами и Ираном — это отношения «волка и овцы». Иногда то, что Хаменеи говорит об Америке и Иране, поразительно напоминает высказывания сторонников жесткой линии в Вашингтоне, которые считают, что идеологии США и Ирана диаметрально противоположны, а потому обречены на неизбежную конфронтацию. В своем обращении к членам иранского правительства в мае 2003 года, то есть вскоре после того, как американцы взяли Багдад, он прогнозирует серьезный конфликт: «Естественно, что такая гегемонистская держава, как Соединенные Штаты, которая пытается

установить глобальную диктатуру и преследовать собственные интересы, подавляя другие нации и попирая их права, должна рассматривать нашу исламскую систему как врага и нетерпимого конкурента. Ясно также, что конфликт и конфронтация между двумя странами становятся чем-то естественным и неизбежным»²⁰. Но среди тех, кто хорошо знаком с Хаменеи, есть и другая точка зрения: они полагают, что он стремится к взаимопониманию и нормализации отношений с Соединенными Штатами, но убежден в том, что именно Вашингтон идеологически настроен против Ирана, а не наоборот. Хаменеи часто подчеркивает, что США противостоят Ирану не из-за внешней политики Тегерана (его ядерных амбиций, неприятия Израиля и поддержки им «Хезболлы»), а оттого, что Иран занимает стратегическое положение и обладает энергетическими ресурсами, которые, по мнению Вашингтона, представляют слишком большую ценность, чтобы их контролировало независимое исламское правительство. «[Иран] привлекает внимание этой высокомерной и агрессивной державы по нескольким причинам. Прежде всего, Иран богат природными ресурсами, такими как газ и нефть. Во-вторых, Иран занимает важное географическое положение — у него длинная береговая полоса на побережье Персидского залива и Оманского залива, для западных стран Иран служит главными воротами в Центральную Азию... Однако главная причина враждебности США к нашей стране — это исламская сущность нашей системы, а также тот факт, что наша исламская система направлена против насилия, подавления, диктатуры, а также политической, экономической и культурной зависимости от других»²¹.

Хаменеи уверен, что идеологическая и стратегическая цель Вашингтона состоит в том, чтобы вернуться к отношениям патрона и клиента, которые связывали США и Иран в шахские времена: «Американское правительство все еще испытывает ненасытную алчность и стремится к господству над нашей страной, которое усилилось после свержения [премьер-министра Мохаммеда Моссадыка] 19 августа 1953 года и сохранялось вплоть до победы исламской революции в 1979 году. Они до сих пор мечтают о возобновлении господства над Ираном, которое причинило нам столько вреда... Они все еще грезят о тех временах, когда глава нашего государства, а именно продажный изменник Мохаммед Реза [Пехлеви], не принимал ни одного решения без консультации с официальным Вашингтоном»²².

То, как Хаменеи трактует намерения США, оказывает влияние на внешнюю и внутреннюю политику Ирана в двух важных направлениях. Во-первых, поскольку Хаменеи уверен, что целью американской политики по-прежнему является изменение режима, а не изменение его поведения, он твердо стоит на том, что никакие компромиссы с Вашингтоном, несмотря на его давление и запугивание, невозможны — любые уступки будут истолкованы как знак слабости, а это приведет к еще большему давлению со стороны США. «Если руководители страны не устоят перед запугиванием высокомерных держав и в итоге начнут отступать от собственных принципов и идти на уступки этим державам, то эти уступки не закон-

чатся никогда! Во-первых, они будут оказывать на вас давление, вынуждая признать тот или иной режим нелегитимным, а затем вынудят вас не называть свою конституцию исламской! Используя давление и запугивание, они всегда будут требовать уступок, и мы шаг за шагом будем вынуждены отказываться от наших ценностей и принципов! Давление и запугивание со стороны США прекратятся лишь тогда, когда иранские официальные лица заявят, что они готовы отказаться от ислама и народного правления в Исламской Республике, а Соединенные Штаты могут поставить у власти в этой стране того, кого они пожелают!»²³.

В таком контексте, несмотря на обращение в Совет Безопасности ООН, ужесточение санкций и военные угрозы со стороны США, подход иранского руководства к ядерной проблеме стал еще более жестким. По словам Хаменеи, это продуманная стратегия. «Права нельзя получить путем упрашивания. Если вы просите, уступаете, проявляете уступчивость, высокомерные державы выдвинут еще более серьезные угрозы»²⁴.

Во-вторых, поскольку Хаменеи уверен, что враждебное отношение Вашингтона относится к самому факту существования Исламской Республики, противодействие США является важнейшим приоритетом иранской внешней политики — даже более важным, чем сегодняшние национальные интересы Ирана. Такая установка побуждает Тегеран искать неожиданных союзников в отдаленных регионах планеты, таких как Венесуэла и Беларусь. Тегеран предлагает поддержку группировкам, с которыми его практически ничто не объединяет — кроме вражды к Соединенным Штатам, среди них суннитское фундаменталистское движение «Талибан» в Афганистане (против которого десять лет назад Иран сам едва не начал войну)²⁵.

Несмотря на глубокое недоверие Хаменеи к Соединенным Штатам и цинизм администрации Буша, в позиции Хаменеи тем не менее можно обнаружить проблески прагматизма. В мае 2007 года он открыто выступил за диалог с Соединенными Штатами относительно Ирака, причем всего во второй раз за все время (в первый раз это произошло в феврале 2006 года, но тогда Вашингтон отверг такую возможность). Чтобы обезоружить иранских противников компромисса, Хаменеи даже примирительные жесты облачал в критические заявления: «Переговоры будут идти только об обязанностях оккупантов в Ираке... Они думают, что Исламская Республика изменила свою твердую, логичную и вполне обоснованную политику отказа от переговоров с США. Они ошибаются. Как можно вести переговоры с высокомерным, агрессивным, экспансионистским и колонизаторским правительством США?»²⁶.

Из недавних примеров можно привести заявление Хаменеи, сделанное им в начале 2008 года. Возможно, это наиболее серьезное высказывание Высшего руководителя, касающееся перспектив американо-иранских дипломатических отношений. Хаменеи полностью исключил самую возможность контактов с администрацией Буша, но при этом не исключил того, что в будущем могут произойти

изменения: «Прекращение связей с Америкой лежит в основе нашей политики. Однако мы никогда не говорили, что наши отношения разорваны навсегда... Нынешнее американское правительство таково, что любые контакты с ним окажутся вредными для нашей страны, а потому мы не хотим налаживать отношения... Любые связи дадут американцам возможность проникать в нашу страну, откроют путь разведывательным службам и шпионам... В настоящее время отношения с Америкой не принесут пользу народу Ирана. Но нет сомнений в том, что в тот момент, когда отношения с Америкой окажутся полезны иранцам, я первым стану поддерживать их развитие»²⁷.

Хаменеи трудно преодолеть глубокое недоверие, которое он испытывает к администрации Буша, и личную враждебность к американскому президенту. Но при этом его выступления отражают растущую уверенность иранского руководства в том, что американские внешнеполитические круги признают, что американцы сталкиваются со значительными трудностями в Ираке, что Иран играет роль незаменимого государства на Ближнем Востоке и достиг значительного прогресса, и вынуждены согласиться с легитимностью правительства Исламской Республики. Хаменеи дает понять, что он готов рассматривать вопрос об отношениях с Америкой, если она будет исходить из этих реалий.

Секретные замыслы Вашингтона

Еще более, чем в артиллерии, ружьях и т. п., враги Ирана нуждаются в распространении цивилизационных ценностей, ведущих к моральному разложению. Они много раз говорили об этом. Недавно я сам прочитал в новостном сообщении, что руководящий сотрудник важного американского политического центра сказал: «Пошлите им мини-юбки вместо бомб!». И он прав. Если они пробудят — в любой стране — сексуальные желания, если они распространяют на нее неограниченное смешивание мужчин и женщин, если они привьют молодежи формы поведения, к которым она побуждается естественными инстинктами, то против этой страны уже не нужны будут ни пушки, ни ружья.

Выступление по иранскому государственному телевидению, 2003 год

В своих выступлениях Хаменеи уделяет большое внимание тайным планам врагов, стремящихся разрушить Исламскую Республику, — не меньшее, чем обсуждению национальных интересов Ирана. Он считает, что план американского правительства предполагает два варианта: либо довести Иранскую Республику до состояния глубокого упадка, чтобы она просто развалилась и перестала существовать, как Советский Союз, либо чтобы она пошла по пути «бархатных революций» Восточной Европы, то есть чтобы в стране произошли стремительные изменения, инициированные «прозападными» интеллектуалами.

Основываясь на своем понимании вашингтонской политики холодной войны, Хаменеи опасается не военного нападения США, а политического и культурного наступления, направленного на раскол политической элиты страны. Подобное вмешательство имеет целью распространение «западной безнравственности» и культурного влияния, с тем чтобы подорвать основы традиционного иранского общества, вызвать в народе разочарование в исламской системе и разжечь межэтнические и межконфессиональные конфликты. По мнению Хаменеи, тактика Вашингтона может меняться, однако неизменна стратегия, направленная на установление гегемонии США над Ираном: «На протяжении многих лет... страны-колонизаторы подавляли другие народы, ставили над ними диктаторов и военные режимы, использовали любые средства, чтобы не допустить гражданского участия. Сегодня они видят, что этот метод уже не срабатывает. И они... нашли новый способ господствовать над другими странами: путем воздействия на проживающие там народы. Этот новый метод я называю постмодернистским колониализмом... В современную эпоху постмодернистского колониализма высокомерные державы стремятся влиять на другие нации, используя своих агентов, финансовые ресурсы, пропагандистские методы и разнообразные соблазны»²⁸.

Согласно информации, поступающей от приближенных к Хаменеи людей, иранский руководитель потратил много времени на анализ внутренних условий, которые привели к распаду Советского Союза и Восточного блока, а также тактики, которую применяли США для ускорения этого распада. В 2000 году (в то время многие обозреватели сравнивали президента Хатами с Михаилом Горбачевым) Хаменеи выступил с удивительно откровенной речью, в которой изложил свои представления о том, как американское правительство будет добиваться того, чтобы Иран повторил судьбу Советского Союза: «Как любой, кто имел дело с различными проблемами и политическими течениями с самого начала революции, я хорошо знаком с политиками и их словами, а также с мотивами, стоящими за пропагандой в международных СМИ. Изучая этот опыт, я пришел к выводу, что Соединенные Штаты разработали детальный план, целью которого является ликвидация исламской системы. Этот план подобен тому, который привел к краху бывший Советский Союз. Руководство США намеревается реализовать такой же план в Иране. В их эгоистичных и зачастую неосмотрительных высказываниях, сделанных в последние несколько лет, достаточно свидетельств того, что именно в этом и состоит их задача. Однако в своих расчетах враг допустил несколько ошибок... Я более подробно остановлюсь на этих ошибках, но это не поможет врагу исправить их, так как его главная проблема — плохое знание иранских реалий, что и привело его к неправильному планированию. Вот почему все их планы в отношении Ирана всегда проваливаются.

Относительно ошибок, которые они сделали. Первая ошибка в том, что Хатами — это не Горбачев. Вторая ошибка в том, что ислам — это не коммунизм. Третья ошибка в том, что народное правление Исламской Республики — это не

режим диктатуры пролетариата. Четвертая ошибка в том, что объединенный Иран, в отличие от бывшего Советского Союза, не состоит из отдельных республик. И наконец, еще одна ошибка в том, что они недооценивают ключевую роль религиозного и духовного руководства в Иране»²⁹.

Советский Союз испытывал давление со стороны республик, которые уже не хотели быть в составе СССР, и Хаменеи считает, что Соединенные Штаты пытаются запустить схожий процесс в Иране и с этой целью провоцируют беспорядки на этнической и религиозной почве внутри страны и поддерживают этнические сепаратистские группы в иранском Белуджистане, Хузестане и Курдистане. «Чтобы подорвать наше национальное единство, Вашингтон стремится создать политические, религиозные и этнические барьеры между различными группами и слоями иранского общества»³⁰.

Стоит, однако, заметить, что многие методы, которые, как утверждает Хаменеи, Соединенные Штаты используют для продвижения своих интересов в Иране: пропаганда, «мягкая сила», культурное влияние, — очень похожи на те, в использовании которых на Ближнем Востоке арабские страны обвиняют сам Иран.

Создание Государства Израиль — высшая несправедливость

В палестинском вопросе мы занимаем справедливую и логичную позицию. Несколько десятилетий назад египетский государственный деятель Гамаль Абдель Насер выдвинул лозунг о том, что египтяне должны сбросить в море узурпаторов Палестины. Спустя несколько лет Саддам Хусейн, самый ненавидимый из всех политиков арабского мира, заявил, что подожжет половину палестинской земли. Мы полагаем, в соответствии с нашими исламскими принципами, что ни в сбрасывании евреев в море, ни в поджоге палестинской земли нет ни логики, ни смысла. Наша позиция состоит в том, что палестинскому народу должны быть возвращены его права. Палестина принадлежит палестинцам, и судьбу Палестины должен решать палестинский народ.

Обращение Хаменеи к религиозным деятелям в Куме, июнь 2006 года

Примечательно, что тема, которая в течение двух последних десятилетий громче всего звучит в выступлениях Хаменеи — а именно палестино-израильский конфликт, — никак не связана с повседневной жизнью иранцев. Арабских руководителей нередко обвиняют в том, что они используют палестинский вопрос просто как повод для жестких заявлений, цель которых немного успокоить страсти в собственной стране. Но политическое руководство Ирана ведет себя совершенно иначе. Несмотря на то что «иранская улица» не слишком активно обсуждает палестинскую проблему (ибо Иран — не арабская страна, у него нет никаких территориальных или пограничных споров с Израилем, здесь нет проб-

лемы палестинских беженцев; более того, в Иране проживает самая многочисленная еврейская община на Ближнем Востоке, не считая Израиля), иранские руководители, особенно Хаменеи, неизменно, просто маниакально, декларируют свое глубокое презрение к еврейскому государству.

Некоторые иранские обозреватели склонны рассматривать воинственный тон Исламской Республики по отношению к еврейскому государству не как проявление идеологического противостояния, а скорее как элемент стратегии, цель которой — сделать шиитско-персидский Иран господствующей державой на Ближнем Востоке, где большинство составляют арабы-сунниты. После революции некоторые иранские руководители (наверное, к ним можно отнести и бывшего президента Рафсанджани) стали уделять меньше внимания палестинской проблеме. Но Хаменеи демонстрирует неослабевающую ненависть к «сионистскому образованию». И если, когда речь идет о возможности нормализации отношений с Соединенными Штатами, в высказываниях Хаменеи все же иногда (хотя и редко) звучит некоторая неоднозначность, то в его неприятии Израиля нет ни малейшей двусмысленности. Многие из тех, кто внимательно следит за развитием американо-иранских отношений, считают, что главным препятствием для нормализации является именно непримиримая позиция Ирана по Израилю. Хаменеи этот аргумент известен, и он с ним согласен. Однако идти на уступки он не готов: «Нелепые обвинения, например, в том, что [в Иране] нарушаются права человека, или попытки обнаружить оружие массового поражения являются лишь пустыми декларациями, истинная цель которых — оказать давление на Исламскую Республику. Дескать, если Иран прекратит поддерживать народы Палестины и Ливана, Соединенные Штаты тоже изменят свое враждебное отношение к Исламской Республике... Мы рассматриваем поддержку палестинского и ливанского народов как наш важнейший мусульманский долг. Вот почему Вашингтон использует все рычаги давления на Исламскую Республику с целью заставить нас прекратить эту поддержку»³¹.

Хаменеи в меньшей степени говорит о перспективах палестинской государственности и много о «преступном» поведении «злокозненных сионистов», и не только на Святой земле, но и по всему миру. Он вполне открыто заявляет, в том числе и на недавних встречах в Аннаполисе, что он против мирных переговоров, утверждая, что именно вооруженная борьба, а не переговоры, позволит в конечном счете добиться уступок от Израиля: «За прошедшие после захвата Палестины семьдесят лет сионисты не освободили ни единого квадратного метра оккупированных территорий в результате переговоров... переговоры никогда не приводили к освобождению оккупированных территорий и никогда не приведут к этому в будущем»³².

Однако наряду с этим Хаменеи приложил серьезные усилия, чтобы скорректировать контекст заявлений президента Ахмадинежада о том, что Израиль следует «стереть с карты мира». Он постоянно подчеркивает, что целью Ирана является не

военное уничтожение еврейского государства или еврейского народа, а победа над сионистской идеологией и исчезновение Израиля в результате «народного референдума»: «Существует только одно решение палестинской проблемы, решение, которое мы предложили несколько лет назад. Нужно провести референдум с участием всех коренных палестинцев, включая мусульман, иудеев и христиан, а также тех палестинцев, которые живут на оккупированных территориях и за их пределами. Правительство, которое придет к власти по результатам референдума, независимо от того, будет ли оно мусульманским, христианским, еврейским или коалиционным, будет опираться на волю палестинского народа. Такое правительство будет приемлемым, и именно оно решит проблему Палестины. Без этого уладить палестинскую проблему невозможно»³³.

Возможно, Хаменеи смягчит свою позицию по Израилю, но только в том случае, если сами палестинцы подпишут мирный договор с Израилем. Однако поскольку одной из целей недавних попыток провести мирные палестино-израильские переговоры была изоляция Ирана, Тегеран был заинтересован в том, чтобы их сорвать. При подготовке к конференции в Аннаполисе в ноябре 2007 года ³⁴ Хаменеи энергично поддерживал ХАМАС и призвал арабские страны бойкотировать конференцию, утверждая, что «главной целью этого саммита по проблеме обеспечения мира является спасение сионистского режима».

Авангард исламского мира

После провозглашения Исламской Республики в 1979 году аятолла Хомейни с самого начала представлял, что его революционное видение исламской справедливости распространится за пределы Ирана по всему арабскому и вообще мусульманскому миру. После смерти Хомейни иранская внешняя политика стала менее революционной и более прагматичной, однако и под руководством Хаменеи Иран по-прежнему претендует на роль лидера на Ближнем Востоке.

Стратегия Хаменеи по усилению регионального влияния Ирана имеет три важных составляющих. Первая — пропаганда идеи, что у Ирана и остального мусульманского мира одинаковые интересы и одни и те же враги. Так, чтобы смягчить обеспокоенность арабских стран по поводу ядерных амбиций Ирана, Хаменеи часто повторяет, что успехи Ирана в этой области принадлежат всему мусульманскому миру. Одновременно он тонко намекает, что арабам не стоит вступать в сговор с Соединенными Штатами против Ирана. «Любой успех, достигнутый иранской нацией, приносит славу и уважение всей мусульманской умме (сообществу). Точно так же любое зло, причиненное врагами нашей исламской системе, вредит интересам всего исламского мира»³⁵.

Второй компонент — это убеждение в том, что лучшим способом распространения влияния и власти Ирана в регионе являются, как ни парадоксально, демокра-

тические выборы. Впечатляющие результаты, которых добились на выборах ХАМАС в Палестине, «Хезболла» в Ливане, «Братья-мусульмане» в Египте, а также шиитские единоверцы Ирана в Ираке, в глазах Ирана суть свидетельство того, что их исламские друзья выигрывают сражение за сердца и умы людей в регионе, тогда как ориентированные на Запад либералы отступают. Хаменеи часто заявляет: «Если в любой исламской стране провести референдум, люди проголосуют за тех, кто поддерживает ислам, свою национальную идентичность и противостоит Соединенным Штатам»³⁶.

Подобно многим обозревателям, специализирующимся по Ближнему Востоку, Хаменеи считает, что Иран выполняет роль катализатора «исламского пробуждения». Он уверен, что «мягкая мощь» Ирана — его идеология и то, каким Иран видит будущее Ближнего Востока, — созвучна чаяниям подавляющего большинства «арабской улицы» и вообще мусульманского мира. И в таком контексте принципиальный отказ от согласия с Соединенными Штатами и Израилем, несомненно, оказывается полезным: «По исламскому миру идет волна исламского возрождения; мусульманские народы проявляют активное стремление вернуться к исламу и придерживаться этой возвышенной религии. Это пробуждение вызвано великой исламской революцией иранского народа под руководством нашего покойного великодушного имама... Враги призывали нас не экспортировать нашу исламскую революцию! Мы отвечали, что революцию нельзя экспортировать, потому что она не товар! Однако подобно аромату весенних цветов, который разносит легкий ветерок, наша исламская революция достигла каждого уголка исламского мира и принесла исламское возрождение мусульманским народам»³⁷.

Третий компонент стратегии, который Хаменеи использует для того, чтобы утвердить Иран в качестве доминирующей силы в регионе, — сочетание политического и культурного влияния с созданием нерегулярных военизированных образований (например, ополченцев «Басидж»). Это существенно расширяет влияние Ирана в сфере региональной политики и безопасности. По мнению Хаменеи, без участия Ирана невозможно ни обсуждение, ни решение ни одной из важных проблем Ближнего Востока и мусульманского мира, будь то Ирак, Афганистан, Ливан, безопасность Персидского залива, арабо-израильский мирный процесс, — несмотря на то что во всех этих районах военная мощь у США и Израиля несравненно больше, чем у Ирана: «Сейчас статус иранского государства... настолько высок, что роль Ирана в решении региональных проблем стала решающей. Это понимают даже сами надменные державы, которые признают, что важные проблемы Ближнего Востока нельзя решить без сотрудничества с Ираном и без его помощи, что нужно слушать и учитывать мнение иранского народа»³⁸.

Примечательно, что в соответствии с амбициями Ирана как государства на официальном сайте Хаменеи его называют не «Высший руководитель Ирана», а «Высший руководитель мусульман». Еще несколько лет назад подобные притязания казались нереалистичными, однако вторжение США в Ирак невольно повыси-

ло авторитет в регионе не только Ирана, но и самого Хаменеи. По сравнению с Хаменеи многие традиционно сдержанные иракские духовные лица (например, уроженец Ирана аятолла Систани) лучше образованны и имеют больше религиозных последователей, но сейчас по силе влияния в шиитском мире Хаменеи просто нет равных, прежде всего благодаря громадным деньгам, которые Иран направляет в религиозные благотворительные организации и иные учреждения Ирака, а также финансовой поддержке духовного руководства в Неджефе и других шиитских районах³⁹. Более того, непримиримая позиция Ирана по отношению к Соединенным Штатам и Израилю укрепляет уверенность Хаменеи в том, что и в суннитском арабском мире простые люди тоже одобряют и лидерство Ирана, и его персональную роль как лидера страны.

Революционный символизм ядерной программы

В представлении Хаменеи в ядерной программе воплотились главные лозунги революции: борьба за независимость, обвинение иностранных государств в несправедливости, неуклонное стремление к самодостаточности и исламская традиция уважения к науке. На протяжении многих лет, предшествовавших обнародованию ядерных амбиций Ирана в 2002 году, Хаменеи постоянно подчеркивал важность научно-технического прогресса для будущего Ирана и часто заявлял, что главным приоритетом страны является преодоление «научной отсталости»⁴⁰.

Хаменеи считает, что существует прямая зависимость между научными достижениями, самодостаточностью и политической независимостью. В идеале он представляет себе Иран как страну, где научно-технический прогресс является залогом самодостаточности, самодостаточность обеспечивает экономическую независимость, а экономическая независимость создает основу для независимости политической. Он глубоко убежден, что Соединенные Штаты противодействуют ядерным амбициям Ирана не из-за угрозы распространения оружия массового поражения, а оттого, что в перспективе оно способствует укреплению независимости Ирана и его экономической мощи: «Они противодействуют прогрессу и развитию иранского государства. Они не хотят, чтобы на Ближнем Востоке, где находятся основные мировые запасы нефти и который является одним из наиболее сложных регионов мира, независимая исламская страна шла по пути научного прогресса и обладала передовыми технологиями. Их беспокоит все, что может помочь региональным государствам обрести независимость, уверенность в своих силах и самостоятельность. Они хотят, чтобы этот густонаселенный регион, богатый полезными ископаемыми, нуждался в них вечно. Именно поэтому они не желают, чтобы мы обладали современными технологиями и чтобы наша молодежь добивалась успехов в научных областях. “Мировой надменности” трудно примириться с тем, что талантливый иранский народ способен добиваться боль-

ших успехов в науке и технологиях, особенно в ядерной технологии. Они хотят, чтобы энергетика Ирана всегда зависела от нефти, ибо нефтяная отрасль зависит от политики мировых держав. Они стремятся управлять другими народами, связав их невидимыми путями»⁴¹.

В речах Хаменеи неизменно звучит глубокая убежденность в собственной правоте. Хотя его заявления не всегда отражают реальность, он верит в то, что говорит. Поэтому когда в вопросе об экономической эффективности и истории иранской ядерной программы Высший руководитель Ирана или намеренно обманывает иранский народ — чтобы усилить свой тезис о независимости и самодостаточности, — или его неправильно информируют, это весьма опасно.

Так, известные физики-ядерщики подсчитали, что если Иран откажется от собственной программы по обогащению урана и будет импортировать обогащенный уран из-за границы, экономия составит миллиарды долларов. Но Хаменеи постоянно твердит об экономических выгодах от самостоятельного обогащения и реализации полного ядерного топливного цикла. И хотя МАГАТЭ подтвердило, что приобретение и монтаж важнейшей ядерной инфраструктуры и ее компонентов в Иране осуществлялись при содействии сети Хана ⁴², России и Китая, Хаменеи тем не менее утверждает следующее: «Мы отличаемся от тех стран, которые получали технологии из бывшего Советского Союза, поскольку они были в коммунистическом лагере. Даже Китай получал от бывшего Советского Союза значительную техническую помощь в первые 10 лет после своей революции, пока эти страны не поссорились. Но нам ни одна страна не оказывала никакой технической помощи. Все, что у нас есть, мы разрабатываем сами. Мы хотим сами производить топливо для нашей атомной электростанции, а не закупать его в других странах. Западные страны настаивают, чтобы мы не производили ядерное топливо для электростанции в Бушере. Они говорят, что если мы будем покупать у них необходимое нам ядерное топливо, мы сможем построить в Иране больше атомных электростанций!»⁴³.

Трудно сказать, сам ли Хаменеи намеренно дезинформирует общественность, или же советники намеренно предоставляют ему неточные сведения. Согласно информации, появившейся после визита в Иран президента России Владимира Путина в октябре 2007 года, Путин был поражен, услышав от Хаменеи, что тот впервые слышит обо всех подробностях российского компромиссного предложения ⁴⁴ по ядерной проблеме, хотя в течение года это предложение было предметом публичного обсуждения. Учитывая стиль руководства Хаменеи, характеризующийся большим вниманием к деталям, трудно представить себе, что он действительно настолько плохо информирован по столь важному вопросу.

Война в Ираке и религиозная рознь

Для Хаменеи американское вторжение в Ирак в 2003 году могло иметь две совершенно разные трактовки. Во-первых, он мог рассматривать его с точки зрения руководителя, чья страна потеряла полмиллиона жизней в результате агрессии Саддама Хусейна; вторая интерпретация определялась тем, что Хаменеи является правителем страны, само существование которой находится под угрозой со стороны Соединенных Штатов. В соответствии с революционной традицией Хаменеи направил весь свой гнев и тревогу на Вашингтон; даже трудности, с которыми США столкнулись в Ираке, он считает неотъемлемой частью американской стратегии, имеющей целью завоевание господства на Ближнем Востоке.

По мнению Хаменеи, Соединенные Штаты вторглись в Ирак с намерением установить там проамериканский марионеточный режим, сочувствующий Израилю и враждебный к Ирану. И когда «исламское пробуждение» Ирака стало мешать американской цели создания светского, либерального и проамериканского Ирака, Вашингтон начал разжигать межрелигиозные столкновения между суннитами и шиитами. Это насилие, как он убежден, также служит оправданием продолжающегося присутствия США в Ираке якобы для поддержания мира.

Нынешняя ситуация, сложившаяся в Ираке, исключительно выгодна для Ирана: у власти находятся главные союзники Ирана (шииты), тогда как главные соперники несут громадные человеческие и материальные потери. Тем не менее Хаменеи с самого начала крайне резко высказывался против войны. Его зловещие предсказания относительно того, что ждет Америку в Ираке, сделанные перед началом войны, оказались на удивление точными: «Нет никаких сомнений в том, что любая военная операция США в этом регионе принесет большую беду: будет разрушено множество домов, погибнет множество невинных людей. Но ясно также и то, что агрессор завязнет в этой трясине и это ускорит его крах»⁴⁵.

В многочисленных речах, произнесенных перед вторжением США в Ирак, Хаменеи предостерегал, что «нападение на Ирак под предлогом борьбы с терроризмом на самом деле означает, что Соединенные Штаты стремятся поставить под свой контроль нефтяные месторождения Ирака, господствовать на Ближнем Востоке и защитить сионистское образование»⁴⁶. Если выбирать из двух зол, Хаменеи предпочитал режим под руководством Саддама возможной альтернативе в виде проамериканского марионеточного режима, симпатизирующего Израилю и враждебного Ирану.

Исходя из представлений Хаменеи о том, какие именно цели ставили перед собой Соединенные Штаты, для сохранения нынешнего режима Ирану необходимо активно отстаивать свои интересы в Ираке и противодействовать интересам США. Как и официальные лица в самой Америке, Хаменеи считал и считает, что Ирак — это главное поле битвы между Соединенными Штатами и Ираном за сердца и умы арабов и мусульман. Хаменеи полностью отдает себе отчет в том, что

в чисто военной области Иран не может соперничать с США; поэтому он постоянно повторяет, что самым главным оружием Ирана в борьбе против империализма США является ислам: «В противостоянии между сущностью ислама и сущностью, воплощенной в надменных державах, ислам одерживает верх»⁴⁷.

Поскольку США не способны предложить альтернативу исламу, которая была бы привлекательна для масс, Хаменеи считает, что Вашингтон провоцирует акты насилия на религиозной почве, которые помимо всего прочего служат и оправданием американского военного присутствия в Ираке. «Нынешние убийства в Ираке совершаются разведывательными службами США и сионистов, ибо отсутствие безопасности обеспечивает повод для продолжения оккупации Ирака»⁴⁸.

Поскольку Хаменеи убежден, что в отношении исламского мира США реализуют циничный принцип «разделяй и властвуй», одной из важнейших тем, постоянно повторяющихся в его политическом дискурсе, является мусульманское единство. Кое-где на Западе и даже в арабском мире считают, что Иран стремится вызвать религиозные столкновения между суннитами и шиитами в Ираке, Ливане, зоне Персидского залива. На самом деле это не так. Иран преследует совсем другую цель. Иран претендует на роль доминирующего игрока на Ближнем Востоке, а численность шиитов составляет менее десяти процентов всего мусульманского населения в этом регионе: из этого следует, что религиозные беспорядки только вредят Ирану, который намерен стать панисламской (а не только шиитской) державой. Равным образом они не на пользу Хаменеи, который претендует на статус лидера всех мусульман: «Как только в Иране победила исламская революция, надменные державы стали изображать нашу революцию как шиитскую революцию... [но] если бы наша революция действительно была шиитской, мы бы оказались отделены от исламского мира и не имели бы с ним ничего общего. А исламский мир ничего общего не имел бы с нами, хотя и не проявлял бы враждебности к нашей революции. Однако исламский мир понял, что наша революция — это исламская революция».

Хаменеи утверждает, что это не Иран хочет войны с суннитским исламом, а Соединенные Штаты хотят войны со всем исламским миром. Он постоянно предупреждает и иранцев, и арабские страны, что в выигрыше от этой мусульманской междоусобицы останутся только две страны — Соединенные Штаты и Израиль: «[Соединенные Штаты] стремятся представить Исламскую Республику Иран как шиитскую республику и пытаются противопоставить его великому сообществу суннитов. Это очень опасный замысел, который их политики в настоящее время пытаются реализовать... Мы должны сделать все возможное, чтобы помешать этим высокомерным державам добиться своей цели. Все мусульмане должны знать это и быть бдительными. Наша нация, наша элита и ученые, наши преданные и ревностные священнослужители должны вести себя осторожно, чтобы не сказать или не сделать что-нибудь такое, что способствовало бы успеху заговора наших врагов»⁴⁹. Хаменеи осторожно убеждает арабских руководителей из чис-

ла союзников Соединенных Штатов, которые (например, король Иордании Абдалла) говорят об опасности господства «шиитского полумесяца» или заявляют (например, президент Египта Мубарак), что арабские шииты более лояльны к Ирану, нежели к собственной стране. Он напоминает, что Иран, и это широко известно, поддерживает и суннитские исламистские движения, такие как ХАМАС, и шиитские организации, такие как «Хезболла». Более того, Хаменеи хочет убедить арабских руководителей в том, что у Ирана нет никаких территориальных амбиций или планов достижения гегемонии в арабском мире и что к нему следует относиться как к старшему брату, а не как к противнику.

«Сразу же после победы исламской революции враги начали активную политическую пропаганду против Ирана, чтобы заставить страны этого региона и арабские правительства бояться нашей Исламской Республики. Однако прошло более двух десятилетий, и они убедились, что Исламская Республика Иран не проявляет агрессии в отношении какой-либо соседней или несоседней страны. Если и была агрессия, то со стороны арабской страны против Ирана. Именно злосчастный Саддам Хусейн сначала напал на нашу страну, а затем вторгся в Кувейт. Он напал бы и на другие арабские страны, если бы нашел возможность сделать это.

Они должны знать, что величие и достоинство ислама и мощь Исламской Республики Иран также способствуют и их благу. Соединенные Штаты используют слабость исламских стран в своих интересах и запугивают и шантажируют их правительства. Соединенные Штаты, всегда покорные режиму сионистских узурпаторов, запугивают и шантажируют некоторые арабские правительства. Но если эти правительства положатся на великую державу, им никогда не придется подчиниться Соединенным Штатам»⁵⁰.

Соперники Высшего руководителя и будущее Ирана после Хаменеи

Неофициально высшее духовное руководство в Куме может пренебрежительно относиться к достоинствам Хаменеи как религиозного деятеля, однако никто не оспаривает его лидерство. Великий аятолла Монтазери, некогда считавшийся наиболее вероятным преемником Хомейни, по-прежнему позволяет себе замечания, в которых можно обнаружить критику лидерства Хаменеи, но ему самому уже 85 лет, и у него недостаточно сил, чтобы возглавить оппозицию. После того как президентом стал Ахмадинежад, большое внимание привлек к себе сторонник жесткой линии аятолла Мисбах Язди, советник Ахмадинежада по религиозным вопросам, который мог бы стать преемником Хаменеи или даже перехватить у него лидерство и занять его пост. Однако его проигрыш Рафсанджани на выборах в Собрание экспертов в октябре 2006 года практически перечеркнул его шансы (Собрание экспертов имеет конституционное право назначать Высшего руководителя).

Единственный человек в Исламской Республике, которого можно рассматривать в качестве потенциального политического соперника Хаменеи, это Рафсанджани, про которого часто говорят, что по своему влиянию он уступает только самому Высшему руководителю. История их знакомства восходит к 1960-м годам, когда оба учились в Куме у Хомейни и были политическими активистами, участниками борьбы против правительства шаха. При шахском режиме каждый из них провел по несколько лет в тюрьме, а после революции, благодаря близости к Хомейни, они оба совершили головокружительный взлет на руководящие посты. В 1980-х годах, когда спикером парламента был более влиятельный Рафсанджани, а президентом — Хаменеи, их считали «прагматичными» союзниками, совместно выступающими против более радикальных элементов в новом революционном правительстве.

Однако в последние десять лет их соперничество, а также расхождения по проблемам внутренней и внешней политики становятся все более очевидными. Рафсанджани много говорит о своем желании улучшить американо-иранские отношения, сделать экономику открытой и смягчить социальные ограничения в Исламской Республике, тогда как Хаменеи по всем направлениям занимает жесткую позицию. Рафсанджани активно способствовал назначению Хаменеи на должность Высшего руководителя, и сейчас главенствующее положение Хаменеи вызывает у него плохо скрываемое раздражение.

Когда Мохаммаду Атрианфару, главному советнику Рафсанджани, сказали, что Хаменеи не одобряет выдвижение кандидатуры Рафсанджани на президентских выборах 2005 года, он резко ответил: «Рафсанджани — один из столпов нашей ре-

волюции, и ему не нужно спрашивать ничьих разрешений»⁵¹. В этом смысле весьма примечательны слова, сказанные сыном Рафсанджани в беседе с американским журналистом, состоявшейся перед июньскими президентскими выборами 2005-го. Он сообщил, что если отца выберут в президенты, он внесет изменения в конституцию, с тем чтобы уменьшить власть Хаменеи и свести полномочия Высшего руководителя до церемониальной роли «английского короля»⁵². Однако Рафсанджани потерпел унижительное поражение от Ахмадинежада, и превосходство Хаменеи стало неоспоримым.

Однако, по имеющимся сведениям, главным препятствием для того, чтобы Хаменеи и дальше оставался на посту Высшего руководителя, является его слабое здоровье. Хаменеи выглядит старше своих 68 лет, и сообщения о его плохом здоровье периодически появляются начиная с 1981 года, когда в результате покушения он перестал владеть правой рукой. В Тегеране любят поговорить о том, что Хаменеи в лечебных целях курит опиум (чтобы ослабить боль в парализованной руке). В частном порядке его врачи и советники признают, что Хаменеи уже давно испытывает приступы депрессии. Некоторые считают, что этим объясняются его неспособность принимать трудные решения и желание просто сохранять статус-кво.

Сравнительно недавно в Иране среди инсайдеров пошли разговоры о том, что Хаменеи лечится от рака предстательной железы. В прошлом году эти слухи усилились, когда Хаменеи в течение нескольких недель не появлялся на людях, а потом во время выступления по иранскому телевидению выглядел бледным, кутался в одеяло и говорил охрипшим голосом. Государственные средства массовой информации тогда впервые затронули тему здоровья Высшего руководителя, заявив, что Хаменеи всего лишь переболел «сильным гриппом». Тем не менее, что бы ни утверждали слухи, в последующие месяцы появления Хаменеи на публике не давали дополнительных оснований предполагать, что его здоровье под угрозой.

Иран после Хаменеи

Каким бы ни было состояние здоровья Хаменеи, в Тегеране активно обсуждается, кто будет его преемником и вообще сохранится ли институт Высшего руководителя. Если исходить из критериев, которые использовались при обосновании выбора Хаменеи в качестве руководителя, то для этого достаточно быть духовным лицом среднего ранга, которое обладает «соответствующими политическими и управленческими навыками», — и очевидных кандидатов просматривается мало.

Если допустить, что Рафсанджани переживет Хаменеи (что весьма сомнительно, притом что он на пять лет старше), тогда именно он станет наиболее подходящим претендентом. Если отвлечься от его пожилого возраста и некоторых, по-ви-

димому, не слишком существенных факторов вроде того, что он не носит бороду и не является потомком пророка (поэтому он носит не черную, а белую чалму), минусом Рафсанджани остается его репутация самого богатого человека в Иране, отчего иранское общество испытывает к нему неприязнь. Но важнее всего все-таки то, что его кандидатура неприемлема для консервативной части политического истеблишмента, то есть для сторонников жесткой линии. Они почти ежедневно нападают на него в своих средствах массовой информации, обвиняя его в коррупции, безнравственности и даже в стремлении заключить секретное соглашение с Соединенными Штатами.

В качестве кандидата, вызывающего меньше разногласий, часто упоминается аятолла Махмуд Хашеми Шахруди, умеренный консерватор и нынешний глава судебной власти Ирана. Шахруди — опытный политик высокого уровня; статус духовного лица дает ему дополнительное преимущество по сравнению с Хаменеи; к нему хорошо относятся как сторонники жесткого курса, так и умеренные. Его главный недостаток, который, правда, может оказаться решающим, заключается в том, что он родился и вырос в Ираке и говорит на фарси с арабским акцентом — поскольку националистические настроения в Иране очень сильны, иранцы могут не принять такого лидера.

Из-за отсутствия у Хаменеи явного преемника все чаще обсуждается возможность замены должности Высшего руководителя консультативным советом (шурой). Идея эта не нова, ее обсуждали и после смерти Хомейни, так как многие считали, что должность руководителя подобна «платью, сшитому специально по его мерке», только для него. Будучи президентом, Хаменеи однажды сказал в интервью западному журналисту, что никто не сможет заменить Хомейни на посту Высшего руководителя, и предположил, что его властные функции будет выполнять совет из нескольких, от трех до пяти, религиозных руководителей⁵³.

Главный вопрос в том, кого выберут членами шуры. Согласно конституции процесс их отбора подпадает под юрисдикцию Собрания экспертов, возглавляемого Рафсанджани. В состав Собрания входят 86 духовных лиц, большинство в нем составляют люди консервативного склада, которым сейчас за семьдесят. Реформисты говорят о триумvirате Рафсанджани, Хатами и Мехди Кяруби, духовного лица умеренных взглядов, который в свое время занимал должность спикера парламента и в первом туре июньских выборов 2005 года ненамного отстал от Ахмадинежада. Для сторонников жесткой линии такая «тройка» неприемлема, они предпочли бы консерваторов, таких как аятолла Мисбах Язди, Шахруди и член Совета стражей Джанати, с которыми не согласятся умеренные.

Помимо того что в Иране трудно добиться консенсуса по поводу состава консультативного комитета, есть и еще одно весьма существенное препятствие. Дело в том, что замена Высшего руководителя консультативным советом противоречит конституции Исламской Республики, в которой специально оговорено, что Высший руководитель — это одно-единственное лицо. Однако иногда в Иране

политическая целесообразность оказывается важнее конституции; в частности, для того чтобы Хаменеи мог стать руководителем, в конституцию была внесена поправка, которая изменила требования, предъявляемые к кандидату на эту должность.

Борьба за наследование поста Хаменеи может обостриться, а ее результат совершенно непредсказуем; при этом по иронии судьбы слабость Хаменеи подтверждает силу Исламской Республики. Его правление свидетельствует о том, что стабильность Исламской Республики не зависит от наличия в ней популярного харизматического руководителя. В эпоху Хомейни нередко звучали предположения, что его кончина приведет к краху режима. Но в отношении Хаменеи таких предсказаний не слышно.

Выводы и политические следствия

Когда американских руководителей критикуют за то, что они не вовлекают Иран в диалог, они иногда возражают: «А с кем в Иране мы должны говорить?». И хотя ответ может звучать так: «С аятоллой Хаменеи!», в действительности, пока Хаменеи остается Высшим руководителем, фундаментальные изменения во внутренней и внешней политике Ирана маловероятны. Если учесть, что его выбрали на этот пост именно из-за его приверженности революционным идеалам и идеям аятоллы Хомейни, чьи политические взгляды выкристаллизовались в 1970-х годах, во времена правления шаха, вероятность того, что Хаменеи согласится и окажется способным серьезно измениться в возрасте 68 лет, представляется весьма небольшой.

Хотя Хаменеи не препятствовал эволюции внешней политики Ирана навстречу его арабским соседям и Европе, тем не менее согласиться на примирение и сближение с Соединенными Штатами и отказаться от воинственного подхода к Израилю означало бы для него утратить два из трех идеологических столпов Исламской Республики (третий — это обязательное ношение хиджаба женщинами). Если исламская революция воплощала, с точки зрения Хаменеи, всеобъемлющие изменения, то все последующие годы были посвящены сохранению революционного статус-кво. И это объясняется не только его идеологическими установками: его письма и речи позволяют предполагать, что он согласен с теми сторонниками Запада, которые утверждают, что если бы Иран был открыт для Соединенных Штатов, это привело бы к серьезным культурным, политическим и экономическим реформам.

Но в нынешних условиях, когда Иран занимает центральное место в американской и европейской внешней политике, противостоя Западу на самых разных направлениях (Ирак, нераспространение ядерного оружия, терроризм, энергетическая безопасность, арабо-израильский мир, Афганистан), было бы неблагоприятно воздерживаться от попыток переговоров с Тегераном до смерти Хаменеи и появления более сговорчивого Высшего руководителя. Возможно, ждать придется еще довольно долго. Чтобы точнее определить намерения Хаменеи и оценить степень жесткости его взглядов, необходимо предпринять совместную попытку проверить их более непосредственно. При этом приватный подход более предпочтителен, нежели открытый, поскольку он позволил бы избежать негативного вмешательства иранских сторонников жесткой линии, настроенных против примирения с Соединенными Штатами.

Однако «вовлечение» Ирана — это подход, за который легко агитировать, но который очень трудно реализовать. Внутри- и внешнеполитический курс Ирана еще никогда с первых дней революции не был столь враждебным и при этом никогда

прежде это государства не имело такого большого регионального влияния. Любая эффективная концепция вовлечения Ирана должна формироваться с учетом центральной роли Хамени и его глубоко укоренившихся подозрений:

- Необходимо убедить Хамени, что Соединенные Штаты готовы признать и уважать легитимность Исламской Республики, и разуверить его в том, что целью политики США является смена режима или переговоры об изменении поведения.
- Хамени никогда не согласится ни на какую договоренность, предполагающую, что Иран может явным образом отступить или согласиться с поражением, и его нельзя заставить пойти на компромисс только лишь под давлением. Помимо проблемы сохранения лица он глубоко уверен в том, что согласие на компромисс под давлением контрпродуктивно, поскольку это выглядит как проявление слабости и лишь провоцирует усиление давления.
- Для успешного вовлечения Ирана в переговорный процесс потребуется прямой канал связи с администрацией Высшего руководителя, предпочтительно — с самим Хамени. Он опасается внутренних конкурентов и не примет никакого внешнеполитического решения, которое могло бы принести пользу Ирану, но при этом представляло бы угрозу для его собственных политических интересов. Ярким примером тому является неудача попытки администрации Клинтона в 2000 году приуменьшить роль Хамени и обойти его, опираясь на Хатами и сторонников реформ.

Вовлечение Ирана в этот процесс ни в коем случае не подразумевает просто умиротворение Хамени или молчаливое согласие на продолжение тревожащего всех поведения Ирана. Действительно, наиболее конструктивной, по-видимому, станет политика, предлагающая Ирану на выбор два разных пути. Нужно ясно дать понять Тегерану, что его нынешний бескомпромиссный подход только усилит изоляцию страны и усугубит проблемы ее экономики. Возможно, решения Совета Безопасности ООН и международное политическое и финансовое давление сами по себе не приведут к дипломатической договоренности с Ираном, но тем не менее в краткосрочном плане эти инструменты необходимы, чтобы показать Ирану бесплодность воинственного подхода.

В то же время более прагматично настроенные круги в Тегеране должны попытаться представить Хамени убедительную аргументацию в пользу того, что умеренная позиция Ирана вызовет позитивную, примирительную реакцию Запада. Они чувствуют, что сегодня они этого сделать не могут. С учетом недавней истории и в рамках современного политического контекста, а именно частых ссылок администрации Буша на возможность силового варианта решения проблемы, призывы к умеренности с легкостью отклоняются Хамени как наивные и безответственные.

Любой диалог в конечном счете должен быть всеобъемлющим, то есть не ограничиваться Ираком или ядерной проблемой. Поскольку по последнему пункту точки соприкосновения вообще отсутствуют, а в Ираке интересы обеих стран час-

тично совпадают, Багдад стал бы подходящим местом для продолжения дискуссий и создания атмосферы доверия с надеждой на то, что впоследствии удастся распространить диалог и на другие проблемы.

Как было сказано ранее, вряд ли Соединенным Штатам и Ирану удастся достичь дипломатического соглашения, пока Хаменеи остается Высшим руководителем. После трех десятилетий глубокого и искреннего исповедования лозунга «Смерть Америке!» ожидать, что Хаменеи сможет так радикально изменить свое мировоззрение, означает ожидать слишком многого. Попытаться вовлечь Иран в диалог сейчас, пока Хаменеи еще у власти, будет, без сомнения, трудно и потребует большой кропотливой работы и терпения — без гарантии успеха. Но если и можно сказать что-то с полной определенностью, так это то, что попытка вовлечь Иран в этот процесс, игнорируя Хаменеи, в обход его или с подрывом его власти безусловно обречена на неудачу.

Примечания

¹ *Milani M.* The Evolution of the Iranian Presidency: From Bani Sadri to Rafsanjani // *British Journal of Middle East Studies.* 1993. Vol. 20. No 1.

² *Milani M.* Power Shifts in Revolutionary Iran // *Iranian Studies.* 1993. Summer/Fall.

³ *Ibid.*

⁴ *Kayan,* June 19, 1989.

⁵ Выступление по иранскому телевидению 6 июня 1989 года.

⁶ *Buchta W.* Who Rules Iran? The Structure of Power in the Islamic Republic. Wash.; N.Y.: Washington Institute for Near East Policy, 2000.

⁷ Речь «Реформы, стратегии и проблемы», 10 июля 2000 года.

⁸ Речь на инаугурации президента Ахмадинежада 3 августа 2005 года.

⁹ Обращение к иранским и зарубежным гостям 2 июня 1999 года.

¹⁰ Речь «Реформы, стратегии и проблемы», 10 июля 2000 года.

¹¹ Тезисы из беседы Высшего руководителя на встрече с архиепископом Австрии 22 февраля 2001 года.

¹² Выступление перед кинорежиссерами 13 июня 2006 года.

¹³ Речь на дне рождения имама Хуссейна 21 сентября 2002 года.

¹⁴ Обращение к профессорам университетов и академической элите 13 октября 2005 года.

¹⁵ Выступление перед жителями Кума 9 января 2006 года.

¹⁶ Обращение к военнослужащим военно-воздушных сил 7 февраля 2006 года.

¹⁷ Обращение Высшего руководителя к жителям Кермана 1 мая 2005 года.

¹⁸ Обращение Высшего руководителя к семьям мучеников, инвалидам войны и бывшим военнопленным, 24 мая 2005 года.

¹⁹ Выступление Высшего руководителя перед генерал-губернаторами 27 февраля 2006 года.

²⁰ Обращение к студентам Университета имени Шахида Бехешти 12 мая 2003 года.

²¹ Обращение к студентам Университета имени Шахида Бехешти 28 мая 2003 года.

²² Обращение к сотрудникам Министерства просвещения 17 июля 2002 года.

²³ Обращение к студентам Университета имени Шахида Бехешти 28 мая 2003 года.

²⁴ *Iran Leader: Won't Beg for Nuke Power* // *Business Week.* 2007. June.

²⁵ *Wright R.* Iranian Flow of Weapons Increasing, Officials Say // *Washington Post.* 2007. June 3.

²⁶ *Associated Press,* May 16, 2007.

²⁷ Обращение к учащимся в Язде 3 января 2008 года.

²⁸ Выступление перед жителями Кума 8 января 2005 года.

²⁹ Речь «Реформы, стратегии и проблемы», 10 июля 2000 года.

³⁰ Выступление Высшего руководителя на праздновании Дня студента 4 ноября 2002 года.

³¹ Речь на Международной конференции в поддержку интифады 24 апреля 2001 года.

³² Заявление Высшего руководителя на пятничной молитве в Тегеране 19 августа 2005 года.

³³ Выступление перед сотрудниками судебной системы 28 июня 2005 года.

³⁴ Конференция в Аннаполисе (штат Мэриленд, США) — международная конференция по урегулированию палестино-израильского конфликта, состоявшаяся 27 ноября 2007 года. В работе форума помимо премьер-министра Израиля Эхуда Ольмерта, главы Палестинской автономии Махмуда Аббаса и президента США Джорджа Буша приняли участие генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, делегации более сорока стран мира, руководство Лиги арабских государств. — *Примеч. ред.*

³⁵ Обращение к иранским и зарубежным гостям 2 июня 1999 года.

³⁶ Выступление перед личным составом военно-воздушных сил 7 февраля 2005 года.

³⁷ Обращение к рабочим и учителям 30 апреля 2003 года.

³⁸ Обращение к жителям Ирана из разных социальных слоев 13 декабря 2006 года.

³⁹ Подробнее см.: *Khalaji M. The Last Marja: Sistani and the End of Traditional Religious Authority in Shiism // Washington Institute for Near East Policy. Policy Focus. No. 59. 2006. September.*

⁴⁰ Обращение Высшего руководителя к профессорам университетов и академической элите 13 октября 2005 года.

⁴¹ Обращение Высшего руководителя к учащимся старших классов средних школ 14 марта 2005 года.

⁴² Абдул Кадир Хан (р. 1936) — пакистанский ученый, создатель пакистанской атомной бомбы. Хан организовал международную сеть, занимавшуюся нелегальной торговлей ядерными технологиями и материалами, которая была раскрыта в 2003 году в ходе расследования МАГАТЭ. В 2004 году ученый передал президенту Перvezу Мушаррафу прошение о помиловании и выступил с публичными извинениями по государственному телевидению. Мушарраф даровал Хану помилование, заявив, что его заслуги перед страной перевешивают его вину. В 2004—2008 годах Хан находился под домашним арестом (освобожден 21 июля 2008 года). В 2008 году ученый отверг обвинения, сказав, что лишь подчинился приказам пакистанского руководства. Подробнее о сети Хана см.: *Nuclear Black Markets: Pakistan, A.Q. Khan and the Rise of Proliferation Networks / Ed. by M. Fitzpatrick. L., 2007. — Примеч. ред.*

⁴³ Обращение Высшего руководителя к инженерам и исследователям 23 февраля 2005 года.

⁴⁴ Российская сторона предложила Ирану отказаться от планов обогащения урана на своей территории и принять участие в проекте по созданию международного центра на территории России, который будет предоставлять услуги в области ядерного топливного цикла. — *Примеч. ред.*

⁴⁵ Речь Высшего руководителя на военно-морской базе Корпуса стражей исламской революции 10 марта 2003 года.

⁴⁶ Выступление Высшего руководителя в Куме 9 января 2003 года.

⁴⁷ Обращение Высшего руководителя к представителям исполнительной власти и другим официальным лицам Исламской Республики 6 апреля 2007 года.

⁴⁸ Заявление Высшего руководителя на пятничной молитве в Тегеране 19 августа 2005 года.

⁴⁹ Речь Высшего руководителя перед жителями Кума 8 января 2007 года.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Интервью, данное автору старшим советником Рафсанджани Мохаммадом Атрианфаром 27 мая 2005 года.

⁵² *Slavin B.* Iran Looks, Again, to 'Experienced Captain' // USA Today, February 6, 2005.

⁵³ См.: *Sciolino E.* Persian Mirrors. N. Y.: The Free Press, 2000. P. 87.

Об авторе

Карим Саджадпур является сотрудником Фонда Карнеги за Международный Мир. До этого он в течение четырех лет работал главным аналитиком по Ирану в Международной кризисной группе, имеющей отделения в Тегеране и Вашингтоне. Являясь ведущим специалистом по Ирану, К. Саджадпур провел десятки интервью с иранскими высокопоставленными должностными лицами и много сотен бесед с представителями иранской интеллигенции и духовенства, диссидентами, бойцами военизированных формирований, бизнесменами, студентами, активистами, молодежью и др. Он постоянно выступает в телевизионных передачах BBC World, на радио, CNN, американском Национальном общественном радио (NPR), в американской теленовостной передаче, которую ведет Джим Лерер, PBS NewsHour, его статьи публиковались в газетах «Вашингтон пост», «Нью-Йорк Таймс», «Интернэшнл Геральд Трибюн», журнале «Нью Репаблик».

К. Саджадпур часто приглашается выступать перед государственными служащими в США и странах Европейского союза с информацией о состоянии дел на Ближнем Востоке, он давал показания перед Комитетом по международным отношениям американского Сената, читал лекции в Гарварде, Принстоне, Стэнфорде, а также в американском Совете по международным отношениям и Обществе по проблемам Азии. Всемирным экономическим форумом в Давосе К. Саджадпур был назван глобальным молодым лидером, ему неоднократно присуждались академические награды включая стипендию Фулбрайта. К. Саджадпур жил и работал во многих странах включая государства Латинской Америки, Европы, Ближнего Востока.

О Фонде Карнеги

Фонд Карнеги за Международный Мир является неправительственной, внепартийной, некоммерческой организацией со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Фонд был основан в 1910 г. известным предпринимателем и общественным деятелем Эндрю Карнеги для проведения независимых исследований в области международных отношений. Фонд не занимается предоставлением грантов (стипендий) или иных видов финансирования. Деятельность Фонда Карнеги заключается в выполнении намеченных его специалистами программ исследований, организации дискуссий, подготовке и выпуске тематических изданий, информировании широкой общественности по различным вопросам внешней политики и международных отношений.

Сотрудниками Фонда Карнеги за Международный Мир являются эксперты мирового уровня, которые используют свой богатый опыт в различных областях, накопленный ими за годы работы в государственных учреждениях, средствах массовой информации, университетах и научно-исследовательских институтах, международных организациях. Фонд не представляет точку зрения какого-либо правительства, не стоит на какой-либо идеологической или политической платформе, и его сотрудники имеют самые различные позиции и взгляды.

Решение создать Московский Центр Карнеги было принято весной 1992 года с целью реализации широких перспектив сотрудничества, которые открылись перед научными и общественными кругами США, России и новых независимых государств после окончания периода «холодной войны». С 1994 года в рамках программы по России и Евразии, реализуемой одновременно в Вашингтоне и Москве, Центр Карнеги осуществляет широкий спектр общественно-политических и социально-экономических исследований, организует открытые дискуссии, ведет издательскую деятельность.

Основу деятельности Московского Центра Карнеги составляют публикации и циклы семинаров по внутренней и внешней политике России, по проблемам нераспространения ядерных и обычных вооружений, российско-американских отношений, безопасности, гражданского общества, а также политических и экономических преобразований на постсоветском пространстве.

CARNEGIE ENDOWMENT FOR INTERNATIONAL PEACE

1779 Massachusetts Ave., NW, Washington,
DC 20036, USA

Tel.: +1 (202) 483-7600;

Fax: +1 (202) 483-1840

E-mail: info@CarnegieEndowment.org

<http://www.CarnegieEndowment.org>

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Россия, 125009, Москва,
Тверская ул., 16/2

Тел.: +7 (495) 935-8904;

Факс: +7 (495) 935-8906

E-mail: info@carnegie.ru

<http://www.carnegie.ru>

Читая Хаменеи:
Взгляды на мир
самого влиятельного деятеля Ирана

Перевод *А. С. Сатунин*
Корректор *А. И. Иоффе*
Дизайн обложки *Design Army*
Оригинал-макет *Oakland Street Publishing*
Адаптация оригинал-макета и обложки
брошюры на русском языке *Я. Красновский*
Компьютерная верстка *И. Королев*

Подписано к печати 29.01.09
Формат 70x108 1/16.
Гарнитура ITC Charter
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 3.5 Заказ № 37
Тираж 1000 экз.

Издательство ООО «Эхо Бук»
109028, Москва, Подкопаевский пер., д. 4, стр. 3

Вывод диапозитивов и печать
ИПК ИТАР-ТАСС
129085, Москва, Звездный б-р, д. 17